

Он проснулся.

При любом другом сценарии или будь он любым другим человеком, в этом не было бы ничего особенного. Большинство людей закрывали глаза и открывали их обратно через 5-6 часов, словно марионетки, управляемые невидимыми нитями. Он не был похож на большинство людей.

Большинство людей не умирали, истекая кровью, с помутневшими глазами и хилым каркасом, а просыпались только через неопишное время.

Бледно-серые глаза смотрели на деревянные балки над его головой целую вечность, но его острый ум определил, что это всего лишь 1 час, 24 минуты и 56 секунд. Хотя инстинкты кричали ему, чтобы он скатился с того, что, как говорила его спина, было футоном, и исследовал свое новое окружение, все, что он хотел сделать, - это просто... ничего.

Он был измотан до предела и надеялся, что все закончилось, но надежда была ложью - он знал это как никто другой. И все же он снова был здесь, смотрел в потолок, зная, что это так же реально, как и все остальное. С его опытом работы с гендзюцу, чтобы обмануть его чувства, потребовался бы сам Ками.

Если бы он был предоставлен самому себе, то пролежал бы так еще сколько угодно, но когда солнце медленно вползло в его комнату, прогоняя успокаивающую темноту и тени, он услышал тихий стук в то, что, по его мнению, было дверью. Секунду спустя дверь отворилась, и мягкий и скромный голос позвал: - Джики-сан.

Он застыл на месте, желая прогнать голос, но тот снова позвал, мягко, но на этот раз с большей настойчивостью: - Глава семьи будет недоволен, если узнает, что ты все еще в постели... На этот раз в голосе прозвучали страх и боль. Физической боли.

Он приподнялся на одной мягкой руке, не обращая внимания на практически полное отсутствие мускулатуры, и посмотрел на черноволосую женщину, стоявшую у входа в его комнату. Медленно моргнув, он перевел взгляд с женщины на подростка, судя по еще мягким щекам, отсутствию морщин и яркости глаз.

Она была одета в черное цельное платье с белой тканью на нем. Ее голова оставалась склоненной, пока он спокойно наблюдал за ней. Медленными и непривычными движениями он поднялся на ноги. Переход от 5 футов 8 дюймов смертоносного телосложения, выведенного для войны, к 3 футам негнушейся массы мягкой плоти и плохой моторики занял бы у любого другого человека месяцы. Но он справился с этим уже на 10-й секунде после того, как встал и на 7-й шагнул к подростку.

От отрывистых, нескоординированных движений он перешел к отточенному, плавному шагу, а его босые ноги почти не издавали звуков на деревянном полу. Он остановился прямо перед ее склоненной головой и прошептал: - Я встаю. - Она подняла голову и одарила его мягкой и знакомой улыбкой, напомнившей ему о матери, - улыбкой, излучавшей безмерную любовь и доброту, улыбкой, которую он задушил и усыпил ради спокойствия.

Должно быть, что-то показалось в его выражении, так как подросток вздрогнул в ответ. □ Далее последовала незнакомая рутина - его вывели из дома и повели в ванную комнату. Ступив в наполненную водой ванну, он уставился на знакомое лицо с незнакомыми чертами. Парадоксальность высказывания заставила его сузить глаза, показав фирменные морщинки под серыми глазами.

Костяно-белые волосы волнами спадали ему на голову и щекотали уши, скрывая непримиримое выражение чистой апатии. Служанка закатала рукава, после чего взяла ведро с водой и вылила его ему на голову.

Он почувствовал ощущения, о которых даже не подозревал. □ Остальная часть купания прошла как в тумане, а потом служанка вытерла его полотенцем и одела в белую хакаму и черно-белое клетчатое кимоно, а на ноги надела деревянные гета с тонкой текстурой.

Он не обращал внимания на непривычные ощущения от одевания и стоически слушал непрекращающуюся болтовню служанки. Он узнал, что является членом клана Годжо, и сегодня его четвертый день рождения, а значит, ему предстоит встреча с главой клана. Его старший двоюродный брат тоже уехал раньше, чтобы поступить в школу дзюцу на второй курс.

Прогулка к главе клана была более спокойной и тихой, служанка посылала ему нервные взгляды. Он игнорировал их и следовал за ней, на шаг позади и сбоку. □ Они вышли из дома и пошли по хорошо вымощенным булыжникам, которые вели от его дома, который, как он понял, находился на окраине кланового комплекса, к внутреннему комплексу.

Он игнорировал взгляды черноволосых членов клана и изредка беловолосых, пока они добирались до дома в центре - традиционного дома, который больше напоминал крепость, чем жилище. Чем ближе они подходили, тем более деревянными становились осанка, походка и черты лица его служанки.

Они несколько секунд стояли перед дверью, прежде чем она набралась смелости и наконец постучала. Она едва коснулась дверей, прежде чем они медленно открылись. Она остановилась и посмотрела на него взглядом, в котором было поровну страха, мольбы и отчаяния. Он уставился в ее глаза, серые в черное, и попытался расшифровать то, что она кричала ему своим взглядом.

Его усилия оказались тщетными, поэтому он сделал единственное, что, как он надеялся, могло облегчить ее состояние, - вложил свою маленькую бледную руку в ее огрубевшие ладони и слегка сжал. Ее хватка в результате оказалась инстинктивной. Он мягко кивнул ей, прежде чем направиться внутрь. □ Дверь закрылась за ним, оставив его в темном доме.

Его глаза медленно адаптировались к темноте, пока он терпеливо ждал. Темнота не была врагом. Она была успокаивающей, как прикосновение матери. Он родился в ней, был вылеплен ею. Половина его жизни прошла в ней. Он не испытывал страха перед ней.

Он делал мягкие шаги, пока его глаза привыкали к темноте, скользя ногами, оставляя руки сложенными в кимоно. □ Прошла минута, прежде чем он добрался до конца коридора, где дверь

распахнулась и привела его в пещерную комнату с расстеленными в конце циновками татами. Он опустил глаза в полуприкрытые веки вместо того, чтобы моргнуть, так как резкость внезапного света комнаты требовала от него этого.

Комната была окружена бронзовыми статуями, каждая из которых изображала человека, сидящего в сидза, с экстремальными чертами лица - от маниакальных улыбок до гневных выражений. Все они держали в руках молитвенные четки и смотрели на человека в центре. Даже со своего расстояния он чувствовал что-то злобное от человека, сидящего посередине. Не обязательно чакру, но ауру, которая пронизывала все вокруг и душила его так, что он едва не зашатался.

Его расширенные глаза и сбившееся дыхание были единственным проявлением эмоций, вызванных удушающей аурой. Пожилой мужчина открыл глаза и уставился на него, после чего кивнул на коврик, лежащий прямо перед ним. Тот ответил ему кивком, после чего прошел к нему и сел, подтянув ноги и сложив руки ладонями на коленях.

Старец снова закрыл глаза, давая возможность изучить его черты. Кожа была настолько бледной, что он, должно быть, десятилетиями не чувствовал солнца, но мускулатура говорила о бойце, а черное кимоно выглядело так, будто было сшито специально для него, и на нем не было ни единой морщинки. Его взгляд переместился на окружающие их статуи, каталогизируя их черты. Он едва успел приступить к третьей, как глаза мужчины снова открылись, и он бросил на него взгляд, который привлек его полное внимание. - Годжо Джики, - его голос прозвучал хрипло и грубо. - Ты хочешь стать колдуном?

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/100738/3456884>